

ПО
СЛЕДАМ
ГРОМКИХ
ДЕЛ

Читайте романы ТАТЬЯНЫ СТЕПАНОВОЙ – КЛАССИЧЕСКИЕ ДЕТЕКТИВЫ, написанные по всем законам жанра:

В моей руке – гибель
Звезда на одну роль
Венчание со страхом
Прощание с кошмаром
Темный инстинкт
Все оттенки черного
Зеркало для невидимки
Врата ночи
На randevу с тенью
Улыбка химеры
Готическая коллекция
Ключ от миража
29 отравленных принцев
Флердоранж – аромат траура
Молчание сфинкса
Родео для прекрасных дам
Дамоклов меч над звездным тронem
Рейтинг темного божества
Прощай, Византия!
Сон над бездной
Царство Флоры
Предсказание – End
Драконы ночи
Black & Red
Пир на закате солнца
Три богини судьбы

ДНК неземной любви
Душа-потемки
Тот, кто придет за тобой
Демоны без ангелов
Валькирия в черном
Когда боги закрывают глаза
Девять воплощений кошки
Яд-шоколад
Невеста вечности
Колесница времени
Падший ангел за левым плечом
Призрак Безымянного переуллка
Пейзаж с чудовищем
Грехи и мифы Патриарших прудов
Созвездие Хаоса
Часы, идущие назад
Светлый путь в никуда
Умру вместе с тобой
Циклоп и нимфа
Последняя истина, последняя страсть
Перекресток трех дорог
Имеющий уши, да услышит
Великая иллюзия
Коридор затмений
Мойры сплели свои нити
Корень зла среди трав

ТАТЬЯНА СТЕПАНОВА

Ключ
от миража

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *С. Курбатова*
Издание осуществлено при содействии
«Литературного агентства Ольги Рубис»

Степанова, Татьяна Юрьевна.
С79 Ключ от миража / Татьяна Степанова. —
Москва : Эксмо, 2024. — 384 с.

ISBN 978-5-04-196015-5

Чужой дом, чужая квартира... Никогда еще сотруднице пресс-центра УВД Кате Петровской не было так одиноко и так страшно. Но оперативная ситуация требует, чтобы в огромном доме, где происходят мрачные и на первый взгляд бессмысленные убийства, находился свой человек. Собрано множество фактов, а вот в убедительную версию они не выстраиваются. Очередное убийство, произошедшее чуть ли не на глазах у Кати, не добавило ясности в это темное дело. И все же Катя чувствует, что разгадка таится в мощных стенах дома, в его темных окнах, сумрачных лестницах, в одном мрачном дне далекого прошлого...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Степанова Т.Ю., 2024
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-196015-5

ПРОЛОГ

Чтобы прикоснуться к тайне, необязательно отправляться за тридевять земель. Достаточно порой оказаться на Ленинградском проспекте. Через широкую арку зайти во двор девятиэтажного кирпичного дома и в тот же миг перенестись в неизведанные земли, в тридцатое царство, исполненное тайны, даже еще и не подозревая, что оно действительно существует.

Зимний вечер в городе. Самый обычный вечер. Ленинградский проспект сияет огнями. Красные, желтые, оранжевые — они вспыхивают, мигают и гаснут. И снова загораются, сливаясь в разноцветный хоровод. Сотни огней, сотни машин, тысячи ярко-желтых квадратов освещенных окон. Кто спит в Москве в восьмом часу вечера? Никто не спит. Так, по крайней мере, кажется и тем, кто на улице, и тем, кто уже дома. Кто встает с кресла, подходит к окну, смотрит через затуманенное стекло. Но видит там лишь смутные тени, оранжевые огни и свое собственное отражение в черном квадрате, обрамленном серой от дождя и непогоды рамой.

Женщина из окна смотрит на улицу: фонари, шум машин, лязг трамваев, голоса прохожих. Она все это видит, все слышит. Но ничего не замечает. Она присаживается боком на широкий холодный подоконник, смотрит и думает о чем-то своем. И улыбается, скользя взглядом по сдвинутому в сторону керамическим гор-

шочкам — там цветут фиалки и вот-вот должен распуститься долгожданный гиацинт.

Комнатные цветы милы женскому сердцу. Потому что они цветут даже зимой. И напоминают о любви. Женщина дает себе слово, что не забудет полить цветы на ночь. И потом не забудет снова наполнить водой бутылку, чтобы дать воде отстояться. Как мало надо этим комнатным символам любви. Но хлорка, очищающая воду, губительна. Она бьет не только микробов и плесень. Она убивает романтизм. Прогоняет мечту. Возвращает к реальности.

Женщина прислушивается: в квартире — тишина. Верхний свет погашен. Зажжена лишь настольная лампа. И телефон молчит. Но ничего. Это еще не смертельно. Ведь сейчас всего-навсего восемь часов вечера. И тот, кто должен, кто обязан позвонить сегодня, наверное, еще не вернулся с работы домой.

Женщина наклоняется и берет с кресла маленькую темную коробку. Гладит глянцевую поверхность крышки, но не открывает ее, словно не хочет заглядывать внутрь. Откладывает коробку, а потом снова берет в нерешительности. И снова откладывает.

Шум за окном отвлекает ее внимание. Шум мотора въезжающей во двор машины. Женщина оживает, вскакивает на подоконник, тянется к форточке, распаковывает ее настешь, выглядывает и... Нет, нет и нет. Это совсем не та машина. Другая. Чужая. Кто-то приехал домой с работы. Возможно, сосед. Вариантов множество, и с первого раза никогда не угадаешь. Женщина хлопывает форточку, неловко спрыгивает с подоконника. Вот и все. Наверное, это все на сегодня. Она смотрит на часы — как медленно ползут стрелки, эти чертовы стрелки...

Приглушенный звук нарушает тишину. Женщина прислушивается. Вот опять. Снова и снова. Плач ребенка. Из-за стены, из чужой квартиры — плач, еле-еле

слышный и тем не менее так назойливо врывающийся каждый вечер в вашу комнату, в ваши мысли, в ваше одиночество.

Женщина бросает так и не открытую коробку на кресло. Идет на кухню, берет бутылку с уже отстоявшейся водой и аккуратно и бездумно, точно послушный домашний робот, начинает поливать цветы. Эти комнатные символы любви.

Глава 1

ЖЕРТВА РАЗБОЯ

Жизнь сразу начинает казаться серой и безрадостной, а существование тяжким бременем, когда на улице хлопьями валит мокрый февральский снег, а ваша машина вдруг ни с того ни с сего предательски глохнет посреди дороги.

Екатерина Сергеевна — Катя Петровская, в замужестве Кравченко, — криминальный обозреватель пресс-центра ГУВД Московской области, даже толком не представляла себе, где она находится. Вместе с телеоператором пресс-центра Марголиным она возвращалась из Реутова. Там находился военный госпиталь, где лечились раненные в Чечне омовцы. О них Катя и оператор делали телерепортаж. Но на обратном пути машина — старенькие, обглоданные коррозией «Жигули» — отдала концы прямо посередине забитого автомобилями, укутанного снежной мглой Горьковского шоссе. Марголин чуть ли не по звездам определил направление — мол, мы где-то на подъезде к Окружной. Вдвоем с Катей они вышли из машины, открыли капот и тупо уставились в автомобильные внутренности. Марголин хотя бы имел представление, где там мотор. А Катя после нескольких занятий в автошколе смутно помнила только одно железное правило: если из капота внезапно повалил пар, как из вскипевшего чайника, нельзя сразу же отвинчивать пробку на какой-то там железке. Можно ошпарить руки. Но как выглядит эта

железка с пробкой, Катя уже не помнила. К тому же в этом конкретном случае пар не валил. Машина просто тихо засипела и дальше не поехала. Финита.

— Может, просто бензин кончился? — со слабой надеждой предположила Катя.

Марголин мрачно хмыкнул и буркнул что-то насчет какой-то «искры», которая «не проскакивает». Где не проскакивает? Катя готова была схватить из багажника молоток и стукнуть сначала по предательнице-машине, потом по затылку неумехи, незнайки, растеряхи Марголина. Он ездил на «жигульке» лихо, руль крутил так, словно хотел оторвать с концами, но починить на месте какую-то там «искру» не мог!

— В чем дело? Поломка? Почему тогда знак аварийной остановки не выставили? Хотите, чтобы в вас врезался кто-нибудь?

Хмурый мальчик в форменном комбинезоне и ярко-салатовом жилете ГИБДД походкой охотящегося на серну барса приближался из снежной мглы посередине шоссе, игнорируя мчащиеся мимо машины. Катя уступила Марголину честь объясняться со стражем дороги. Пусть поругаются. Возраст у обоих примерно одинаков, взгляды на жизнь тоже должны совпасть.

«Салатовый жилет» ГИБДД разглядывал их служебные удостоверения весьма придирчиво, явно сначала не веря, что два этих снеговика (Катя уже перестала стряхивать снег с шубы) — коллеги и соратники по борьбе с криминальным злом. Вернув удостоверения, «салатовый жилет» с важным видом обошел машину, заглянул под капот.

— Все ясно. Откуда на такой развалюхе следуете? — спросил он, закуривая.

— Из Реутова, из военного госпиталя, — доложила Катя.

— Удивительно, как вы вообще с Никитского-то метр отъехали. Тут же... — «Салатовый жилет» ткнул

жезлом в капот и изрек длинную фразу, полную технических терминов и едких выражений по неизвестному адресу. Марголин, кажется, понял, что случилось с мотором, лицо его просветлело. — Трос найдется? — спросил «салатовый жилет». — Цепляйтесь ко мне, тут пост недалеко со стоянкой, дотащу вас. Оттуда на базу нашу звоните.

Катя пискнула «спасибо».

«Салатовый жилет» окинул ее взглядом — надо же, снеговик-то женщина, и молодая, слегка подобрел и снова распорядился Марголину доставать трос и «садиться рулить». А Катю повел куда-то вперед по шоссе. Там, мигая сине-красными огнями, как НЛО, стоял белый с синими полосами «Форд» ГИБДД. Вот так и получилось, что в половине четвертого ненастного февральского дня (по календарю была пятница) Катя оказалась на посту ДПС и самым непредсказуемым образом попала в эпицентр неких событий, имевших весьма странные, загадочные и трагические последствия.

«Жигулька» отвлекли на стоянку. Марголин стал звонить на базу. А Катя стряхнула снег с шубы, сняла шапку и присела на стул у окна в тесном, жарко натопленном пространстве между пультом дежурного и нагромождением каких-то ящиков. В стеклянном павильоне ГИБДД было душно, как в бане, и светло, как в аквариуме. С улицы то и дело заходили патрульные, перебрасывались с дежурным фразами и снова скрывались за стеклянными дверями в снежном тумане. Погода вызывала у дежурного резкое осуждение. Именно от него Катя услышала странное выражение «четверть-нулевая видимость».

На стоянку подрулили еще несколько патрульных машин с мигалками. Начинался развод. ГИБДД стягивала силы на опасные участки трассы. Все разговоры вертелись вокруг каких-то «противотуманок» и «пря-

мых попаданий». Вернулся Марголин и сообщил новость: машину придется оставить на стоянке до утра. Надо было думать, как добираться до ближайшего метро.

— Погрейтесь пока, чайку вот попейте, — к Кате подошел тот самый «салатовый жилет». Из-за комбинезона и толстой куртки с надписью «ДПС» он казался почти богатырем. Он вручил Марголину термос, а Катю угостил апельсиновой карамелькой. После грозного окрика на дороге по поводу какого-то там аварийного знака это было не совсем логично. Катя развернула карамельку и сунула за щеку — вкусно. А в автошколе пугали, что все гаишники — кто? Ну, одним словом...

— Значит, из пресс-центра нашего? — поинтересовался «салатовый жилет». — Пишете все. Про нас хоть бы кто слово написал.

Катя сказала, что «уж вашу-то службу вниманием никто не обходит».

— Ну да, — хмыкнул «жилет». — В прошлом году прислали какого-то дедка с бородой, фотокорреспондента. Все на операцию, бедный, рвался, в натуре процесс заснять. Взял я его, сжалился. На «Арсенал» — машины досматривать на оружие, наркоту. А ночью как мороз ударил за тридцать, гляжу — дед-то мой поси-нел, руки камеру не держат. Намучился я с ним, отпаивать пришлось, и не только чаем. А потом он...

— Ну, ты не очень-то распространяйся... Все же пресса, — усмехнулся дежурный, косясь на Катю. — А то дадут тебе потом за это «не только чаем».

«Салатовый жилет» обернулся к Кате.

— Погрейтесь пока с полчасика. — Он понизил голос. — Я сменяюсь. Доброшу вас в Москву. А вы в субботу вечером что делаете?

— А что? — спросила Катя, разглядывая его.

— Вы на лыжах катаетесь? У нас тут места есть, лыжня хорошая.

Катя улыбнулась: на лыжный марафон ее еще никто никогда не приглашал. Это даже как-то чудно. Сказал бы еще — на каток.

— Я не катаюсь на лыжах, — сказала она. — За то, что подвезете, большое спасибо. Вы и так нам очень помогли. Если бы не вы — ночевать бы нам сегодня на дороге.

— А вы сами машину водите? — спросил «салатовый жилет».

— Только учусь.

— Где?

— В автошколе, конечно.

— Ерунда. Я вас сам научу. В эту субботу первое занятие. У меня машина. Договорились?

Катя засмеялась, смутилась: напор и натиск. И все это под любопытными взглядами Марголина и дежурного. Когда «жилет» скрылся за дверью, дежурный потечески ободрил Катю:

— Да вы не обращайтесь внимания. Балабол — он и есть балабол.

Он хотел развить эту тему далее, но тут дверь снова распахнулась, и вместе с февральской вьюгой на пороге возник незнакомый гражданин. Он сразу бросился к стойке и осипшим голосом закричал на всю дежурку:

— Помогите, на меня напали! Украли машину... Я... Боже, я даже не знаю, где я... Это... это ведь не Ленинградское шоссе?!

Когда «салатовый жилет» зашел за Катей и Марголиным, они в один голос попросили подождать их. Катя хотела дослушать до конца историю о разбойном нападении. Если повезет, из этого мог бы сложиться неплохой репортаж о «раскрытии по горячим следам».

Фамилия незнакомца оказалась Бортников, имя Александр Александрович. Дежурному пришлось поверить ему на слово, потому что ни водительских прав, ни документов у Бортникова не было.

— Все в машине было, все украли. А меня затолкали на заднее сиденье, ударили и куда-то повезли. — Бортников задыхался от волнения. — А потом на снег выбросили. Я по дороге шел, там все какие-то садовые участки, ни души кругом. Я даже не знал, где я нахожусь.

Катя разглядывала потерпевшего. На вид Бортникову было лет тридцать пять. Он был маленького роста, однако жилистый и крепкий. Заметно поредевшие пепельные волосы его были коротко, по моде, острижены. Короткая коричневая дубленка была местами мокрой от грязи и снега. Под дубленкой виднелся теплый свитер. Шарф, перчатки и шапка отсутствовали.

Рассказ Бортникова был короток и сбивчив. Дежурному несколько раз пришлось переспрашивать его.

— Вы поймите, я никак не ожидал... Я ехал на машине из аэропорта, из Шереметьева.

— На своей машине? Марка, госномер, цвет, приметы? — Дежурный сразу взялся за трубку.

— На служебной. Я работаю в авиакомпании «Трансконтинент», у нас офисы в Шереметьево-1. Машина авиакомпании, не моя. «Волга» номер... черт, сейчас, одну минуту, никак с мыслями не соберусь даже... Синяя «Волга», служебная, номер... — Бортников с трудом вспомнил цифры. — Обычно мы ездим не на ней, а...

— Кем вы работаете в авиакомпании? — спросил дежурный, записывая его показания в журнал.

— Я начальник службы охраны... безопасности, одним словом. За нами закреплено несколько машин, но сегодня я поехал на этой «Волге».

— Куда вы ехали?

— В центр, в Палашевский переулок, там расположен наш банк. Но выслушайте же меня. — Бортников снова заторопился: — Я ведь даже на Ленинградку не успел выехать. А их я даже не видел. Они откуда-то сбоку вывернулись — вишневая «девятка» с тонированны-

ми стеклами. Обогнали, подрезали меня, к обочине прижали. Я им едва крыло не смял. Дорогу загородили. Я думал, это из-за ДТП, но... Двое вышли и ко мне — один дверь рванул с моей стороны и ударил меня кулаком в грудь. Не надо меня снимать, зачем это? — Бортников резко отвернулся от Марголина, наставившего на него объектив камеры. — Значит, в грудь меня ударили, аж дух захватило от неожиданности. Вытащили меня вдвоем и запихнули назад. Один пистолет мне к ребрам приставил — сиди и молчи, говорит, дернешься, пристрелю. Второй сел за руль. И куда-то повезли меня. Этот, что со мной сидел, шапку мне на глаза надвинул. Долго ехали, часа, наверное, полтора. Потом они остановились и меня пинком вон. А сами — газу. Я поднялся — ничего не знаю, где я, что за место? Снег валит, дорога какая-то проселочная... Кладбище, участки вроде садовые.

— Во сколько вы выехали из аэропорта? — спросил дежурный.

— В половине второго.

— А сейчас без четверти пять. И это не Ленинградское, это Горьковское шоссе. Не Москва, область.

— Черт! — Бортников стукнул кулаком по колену. — Ну да, они же долго меня мотали. Но чтобы столько времени прошло...

— Вы нападавших-то в лицо запомнили? — подала голос Катя. Она украдкой записывала показания Бортникова в блокнот — пригодятся, если дело раскроют.

Бортников резко обернулся. Видимо, он принял ее за сотрудника или за секретаршу.

— Да я... да они мне каждую ночь, эти твари, сняться будут! Конечно, запомнил, рожи бандитские. Два кавказца. Молодые, лет по двадцать. В шапках таких шерстяных, ну маски-шоу, в куртках кожаных. У того, что меня держал, кажется, нос перебит. Прямо перед

глазами они у меня стоят до сих пор. В жизни такого не забудешь...

— Хорошо не убили еще, — философски изрек Марголин.

Дежурный связался с управлением и местными отделами, передавая приметы похитителей и «Волги».

— Подождите, я еще не все сказал, — Бортников страдальчески поморщился. — Машина-то черт с ней совсем, права мои, документы, ну и это ладно. Главное-то ведь... Они наверняка следили за мной от самого аэропорта. Им все наверняка известно было.

— Что? — спросил дежурный.

— Деньги я вез, понимаете? Сегодня пятница — последний день срока платежей по кредитам. Я вез деньги в банк в Палашевский переулок. Деньги нашей компании. Они были в кейсе, рядом со мной на сиденье.

— И что — большая сумма? — спросил дежурный.

Бортников затравленно оглянулся на присутствующих и нехотя кивнул.

Глава 2

ЖИЛЬЦЫ

Надежда Иосифовна Гринцер не переносила февраль. Каждый день затяжной пасмурной оттепели отдавался в ее висках тупой болью. Давление скакало. Предчувствие неумолимо надвигающегося нового снегопада наполняло тело свинцовой тяжестью. В феврале Надежда Иосифовна, по ее собственному признанию, чувствовала себя так, словно ею завладело какое-то невидимое глазу злобное существо, которое высасывало из организма все соки, как беспощадный и жадный паразит. В такие тяжкие дни нечего было даже и помышлять об уроках на дому. Ученики не приходили. А до

музыкальной школы на Старом Арбате, где Надежда Иосифовна раньше преподавала, она давно уже не в силах была добраться общественным транспортом.

Обычно день начинался с того, что, проводив дочь, Надежда Иосифовна прикладывала ко лбу по старинке мокрое полотенце и читала, сидя на диване, старые газеты. Когда головокружение и мигрень немного отпустили, она завтракала, пила кофе с молоком, а затем потихоньку пыталась продолжить разборку вещей, до которых с момента переезда в этот дом ни у нее, ни у дочери Аллы никак не доходили руки.

Переезд на эту квартиру Надежда Иосифовна внешне восприняла спокойно, но внутри очень тяжело. Как она постоянно жаловалась по телефону всем своим многочисленным знакомым — «еще бы чуть-чуть, и мне уже надо было ехать на Ваганьково». Ей до сих пор каждую ночь снилась их прежняя квартира — та самая, в старом сталинском доме у «Белорусской». Эту большую удобную квартиру получал еще отец Надежды Иосифовны. Там прошла вся ее жизнь, все семьдесят лет. Шутка сказать! Туда еще женихом Борис Гринцер, будущий муж Надежды Иосифовны, носил вот такие охапки белой сирени. Ах, как он умел красиво ухаживать! Они познакомились в пятьдесят четвертом на первом курсе консерватории, а поженились в пятьдесят седьмом. Борис был старше ее, сильно хромал — сказывалось ранение. Но она тогда, полвека назад, сразу выделила его из всех. С первого взгляда. Букеты сирени, в принципе, никакой роли уже не играли. На той старой квартире в пятьдесят восьмом родилась их старшая дочь Алла, а через десять лет младшенький, долгожданный, — Леонид. И горе пришло туда же, в те старые привычные стены, когда умер муж.

Но даже после его смерти они так хорошо, так долго, так уютно и так дружно жили втроем в просторной большой светлой квартире у Белорусского вокзала. До

прошлого года, пока вдруг Леонид в один прекрасный день не объявил: «Мама, я женюсь».

И все сразу полетело кувырком. Привычный уклад жизни рухнул. Наступила эра перемен и «переселения народов». Старую квартиру продали. Леонид съезжался с женой, а для Надежды Иосифовны и Аллы подыскивали через жилищные фирмы подходящий вариант двухкомнатной квартиры. Выбор района и дома Надежда Иосифовна целиком доверила дочери. В конце концов, ей ведь жить там в будущем, когда... Когда, образно говоря, старое, отжившее сойдет со сцены, перестав коптить небо. И ждать этого не так уж и долго, увы...

Надежда Иосифовна поставила лишь одно условие: невысокий этаж. Эта квартира Алле понравилась — вроде бы просторная, двухкомнатная, большая. И этаж подходящий — четвертый. И дом хороший, крепкий, вроде бы, как она говорила, чем-то отдаленно напоминавший тот старый, родной.

Однако Надежда Иосифовна сходства между домами никакого не нашла. Новая квартира располагалась на Ленинградском проспекте рядом со станцией метро «Сокол». Дом был кирпичный девятиэтажный начала шестидесятых. Некогда он считался ведомственным и принадлежал какому-то проектному институту. Дом этот Надежда Иосифовна прекрасно знала: в прежние времена здесь был известный всей Москве магазин «Смена». И сама Надежда Иосифовна сколько раз, бывало, приезжала сюда, в этот магазин, и тридцать, и тридцать пять лет назад и выстаивала жуткие очереди, чтобы купить подросток Алле демисезонное пальто, а младшему Лесику лыжный костюм.

И тогда, тридцать лет назад, этот дом казался ей настоящим дворцом, построенным по последнему слову архитектуры и градостроительства. Но сейчас все его великолепие померкло. Это была всего-навсего мас-

сивная монолитная кирпичная коробка, точнее, несколько коробок, потому что в доме было несколько корпусов. Коробка эта мало отличалась от других таких же каменных коробок, заполонивших Ленинградский проспект. Дом, выбранный дочерью, показался Надежде Иосифовне унылым и мрачным. И как-то беспокойно стало на сердце от мысли, что вот в этом доме, видно, и придется умирать, когда пробьет час.

Однако имелось у этого дома и одно бесспорное достоинство. Гринцеры въехали в квартиру на четвертом этаже четвертого корпуса. А как раз этот корпус был только-только после капитального ремонта. Это и было то главное, что привлекло Аллу к этой квартире, — высокие потолки свежепобелены, двери, подоконники, косяки и рамы заново покрашены, стены оклеены неброскими, но качественными обоями, трубы отопления и сантехника заменены.

Узнав все это, Надежда Иосифовна дала согласие купить именно эту квартиру — потому что на ремонт другой денег все равно уже не хватало. Надежда Иосифовна считала: десять-двенадцать лет Алла спокойно проживет в этой квартире без ремонта. Потому что одна, без мужа, она не осилит эту адскую канитель никогда.

Дочь замуж так и не вышла. Ей было уже за сорок. И разговоры о замужестве между ней и Надеждой Иосифовной уже более не возникали. Втайне Надежда Иосифовна сильно переживала и тревожилась за дочь. Как же так? Такая умная, красивая, с высшим образованием, эрудированная, тонкая, добрая, хозяйственная, такая верная, честная, нежная, заботливая дочь и до сих пор одна. Старая дева. Вековуха.

Сын Леонид женился в тридцать два на хорошей женщине с хорошей зарплатой и из хорошей семьи. А вот Алла... Надежда Иосифовна вздохнула: нет, все как-то не везет дочери в этих самых делах. А какие на-

дежды были, какие планы! И ведь ухаживали за ней, когда ей было и двадцать, и тридцать, и даже тридцать пять. А потом все как-то... Старые подруги Надежды Иосифовны активно пытались помочь: кого-то рекомендовали, находили женихов через знакомых знакомых, сватали. Но и тут все как-то не выходило. Один кандидат в мужья оказался скрытым запойным алкоголиком. Второй давал согласие на брак, но только с условием выезда за рубеж на постоянное место жительства. Алла же ехать не хотела. А третий... Третьему жениху Надежда Иосифовна отказала от дома сама. В первый раз он явился только для того, чтобы «посмотреть жилплощадь», в чем без зазрения совести признался будущей теще. Это случилось еще там, на старой квартире. Два года назад.

А в эту въехали в конце сентября. Перевезли вещи, мебель. С какими адскими трудами втаскивали на четвертый этаж по лестнице рояль! Пришлось платить грузчикам двойную цену. На старой квартире рояль стоял в зале и никому не мешал. А здесь он сразу же занял почти всю Аллину комнату. И шкафы с книгами по истории музыки и нотами, которые всю жизнь собирал покойный муж Надежды Иосифовны, пришлось размещать в коридоре. А он и так был страшно узкий и темный — ни толком раздеться в прихожей, ни сесть с телефоном в старое кресло, всласть потолковать с приятельницами о здоровье и телепередачах, не мешая дочери заниматься с учениками. С конца сентября в коридоре до сих пор громоздились неразобранные коробки и ящики. В углу пылился свернутый ковер. А чтобы пробраться в ванную, в туалет или в кухню, надо было чуть ли не прижиматься к холодной, выкрашенной тусклой розовой краской стене.

А в туалете, несмотря на недавний ремонт, уже отвалилась наверху плитка. К тому же за стеной у соседней часто плакал ребенок. Особенно вечерами, когда за ок-

нами темнело и ветер бросал в стекла пригоршни колючего снега.

Кроме всех этих досадных неудобств, Надежда Иосифовна на новом месте еще много чем была недовольна. Ученикам, например, приходившим и к ней, приходилось теперь добираться до «Сокола», а прежде почти все они жили рядом. Часто занятия мешали разные посторонние шумы: ремонт в доме вроде бы закончился, но и на третьем этаже, и на восьмом, и на девятом что-то там доделывали — стучали молотки, свистели дрели, ревели машины, циклевавшие паркет.

В четвертый корпус за месяцы, прошедшие после капремонта, въехало подозрительно мало жильцов. Надежда Иосифовна познакомилась во дворе с Клавдией Захаровной Зотовой. Они были ровесницами и гуляли по утрам и вечерам почти в одно и то же время. Надежда Иосифовна просто дышала воздухом, а Зотова с седьмого этажа прогуливала старого, страдавшего астмой и ожирением пекинеса Кнопку.

Зотова охотно по-соседски рассказывала о многих полезных вещах: к какому часу надо подходить в местную поликлинику, чтобы уж наверняка записаться на прием к участковому терапевту, где находится ЖЭК, как правильно пользоваться этим новым ключом-магнитом от домофона. Рассказывала и о жильцах — кто в какие квартиры, на каких этажах уже въехал. О себе, правда, Зотова не слишком-то распространялась. Надежда Иосифовна узнала лишь то, что Зотова живет в трехкомнатной квартире с сыном, невесткой и взрослым внуком. Чуть позже она увидела этого самого внука. Звали его Игорем, было ему уже восемнадцать лет, и от армии у него была какая-то там отсрочка (Клавдия Захаровна всегда это подчеркивала, но никогда не уточняла). Молодой человек нигде пока не работал, к пожилым людям выказывал мало уважения и однажды чуть не до смерти напугал Надежду Иосифовну на